

Невероятные похождения Шурки и Лерки

Валерий Квилория

13-й карась

«ИП Квилория В.Т.»

2007

Квилория В. Т.

13-й карась / В. Т. Квилория — «ИП Квилория В.Т.»,
2007 — (Невероятные похождения Шурки и Лерки)

Весёлые и занимательные, чуточку познавательные, а местами и вовсе умопомрачительные приключения двух закадычных друзей. События происходят в небольшом белорусском городке, а также в Минске и даже на побережье Крыма. Заряд бодрости и оптимизма читателю этой книги обеспечен. Но если кто-то всплакнёт порой – автор не виноват – и такое в жизни бывает. Читайте на здоровье!

Содержание

История первая	7
История вторая	15
История третья	21
История четвёртая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валерий Квилория

13-й карась

© Квилория В.Т., 2007

* * *

В 13 лет человек способен совершить немало глупостей. Но глупости эти искренние, проистекающие от недостатка опыта и юношеского максимализма. Бог над ними чаще смеётся, нежели плачет.

Валерий Квилория – лауреат Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А. Н. Толстого 2006 года (Москва) лауреат литературного конкурса «Русская премия» 2006 года (Москва)

История первая Футбол с привидениями

Лера с Шуркой сидели за могильным холмиком и с ужасом слушали, как в темноте над старым кладбищем разносится неясное «бу-бу-бу».

Шурка высунулся из-за могилки и тотчас нырнул обратно.

– Привидение, – сообщил он дрожащим голосом.

– Бежим отсюда, – предложил Лера.

– Куда? – удивился Шурка. – Оно нам единственную дорогу перекрыло.

Неясные звуки, тем временем, усиливались, а привидение мало-помалу приближалось. «Пропали мы!», – решили мальчишки...

А началось всё с того, что на второй день летних каникул в городке объявили чемпионат по футболу на лучшую дворовую команду. Желая отыграться за зимний проигрыш в хоккей, команда «Кладочек» вызвала на поединок команду «Румынии». Надо пояснить, что Румынией именовалась старая часть города, сплошь застроенная частными домиками. Кладочки же напротив были новым микрорайоном с многоэтажными домами, асфальтированными улицами и яркими фонарями.

В городке испокон веков имелось два футбольных поля. Одно, поменьше, в центре – возле школы. Другое, побольше, на окраине между Панским прудом и старым кладбищем.

Чемпионат играли, конечно же, на большом поле. Там и от старших подальше, и к воде поближе. Правда, футбол здесь был делом непростым. Сразу же за воротами «Румынии» начинался пруд. За воротами «Кладочек» – заросли колючего терновника. Со стороны города к полю подступали полчища бурьяна, среди которого разверзли бетонированные пасти глубочайшие подвалы некогда заброшенной стройки. С противоположной стороны раскинулся обширный луг, прозванный в городке «линией Мажино». На нём день-деньской пасся местный скот, отчего луг всегда был щедро усеян козым горохом и коровьими лепёшками. В таком окружении ошибки стоили дорогого. А правило у футболистов существовало простое: от кого за пределы поля уходил мяч, тот за ним и бежал. Исключением считался только гол. его из ворот «доставал» сам вратарь. Поэтому мальчишки старались бить наверняка.

Игра у «Румынии» не задалась. Пять раз подряд её наступление завершалось стремительной контратакой «Кладочек». И пять раз подряд долговязому вратарю «Румынии» по прозвищу Речка довелось лазать в пруд. Защита у «Румынии» стояла слабая. Там играл новенький Шурка, которого взяли только за то, что он был хозяином мяча и Пеца, который больше любил махать кулаками, чем гонять в футбол.

Выудив из пруда очередной мяч, Речка старательно вытер его о траву и выбил в центр. «Румыния» пошла в новое наступление.

– Пас! Пас! Дай пас! – махал руками на правом фланге десятый номер Муха.

В этот момент одиннадцатый номер Пека набегал с мячом по левому краю. ещё чуть и... Но тут на его пути выросли Лера с Курилой.

Поняв, что двоих защитников ему не обыграть, Пека отдал пас направо. Обрадованный, Муха ударил с такой силой, что попадись на пути защита, её бы снесло вместе с мячом. Но, увы, мяч летел мимо штанги прямо в терновник. И тут на поле выбежала корова Элеонора, которая за минуту до этого мирно пощипывала травку за воротами «Кладочек». То ли шмель её напугал, то ли пчела в ноздрю угодила, но она невольно подыграла «Румынии». Мяч хлопнул ей по уху и скользнул рикошетом в ворота.

Вратарь «Кладочек» – здоровенный Миша – только руками развёл. А Элеонора, задрвав хвост, понеслась дальше.

- Не в счёт! Не в счёт! – заорали «кладочки».
- Гол! Гол! – настаивали «румыны».
- Какой гол? – нервничал Лера. – Вам корова помогла.
- Это не наша корова, – нашёлся Муха. – Она из вашего микрорайона.

Прекратила спор, который понемногу начинал переходить во взаимные толчки, сама Элеонора. Вероятно, обидевшись на десятый номер, она неслышно подошла к нему сзади и легонько боднула рогом. Муха испуганно отскочил, но тут же сбросил кроссовку и вооружился.

- Добре, – глядя на это, сказал Миша, – пусть будет гол. Всё равно мы ведём.
- Элеонору прогнали обратно за ворота, и игра продолжилась с новым азартом.

После седьмого гола, по многочисленным просьбам хозяев скота, сделали перерыв. Пасшихся на «Мажино» коров и коз погнали через футбольное поле на вечернюю дойку.

Мальчишки помогали изо всех сил. ещё бы! Чуть дашь какой-нибудь бурёнке остановиться, она непременно шлёпнет «мину» диаметром с добрую четверть метра.

Смеркалось. Меж тем, счёт был разгромный, и «Румыния» пустилась на хитрости.

– Ты чего костыляешься?! – неожиданно завыл и покатился по траве Муха.

– Я же в подкате, – пытался объяснить Курила.

– Ничего себе, подкат! – продолжал корчиться десятый номер. – Ногу сломал!

Следом налетел Пеца.

– Костыль! – воинственно подскочил он к защитнику. – Играть научись!

За Курилу заступился Лера.

– Ты чего размахался! – толкнул он Пецу в грудь.

– А ты чего? – подоспели остальные «румыны». – Давай одиннадцатиметровый ставь!

– Что?! – возмутились «кладочки».

Назревала потасовка.

– А ну покажи ногу! – наклонился над павшим Клёпа, который был у «Кладочек» фарвардом и тоже знал все эти уловки.

– Не покажу! – заартачился Муха.

Но Клёпа уже дёрнул гетр, и мальчишки увидели, что «сломанная» нога целая-целёхонька. На ней даже царапины нет. Красный от обиды Курила молча ринулся на Муху. Тот проворно вскочил и отбежал в сторону.

– Ага! – обрадовался Пеца и полез на защитника с кулаками.

Тут и началось. Мгновенно кому-то дали подсечку, а кто-то взвыл, что ему глаз выбили. ... Но внезапно весь этот сыр-бор покрыл громкий голос Миши.

– Пацаны! – крикнул вратарь «Кладочек», снимая кожаные перчатки. – Мы играем или дерёмся?!

Миша был самый старший среди них. Даже старше длинноногого Речки, два года подряд сидевшего в восьмом классе. И «Кладочки», и «Румыния» знали, что у Миши кулак будь здоров. Противники нехотя разошлись. ещё миг – и игра продолжилась, как ни в чём не бывало. Удар, второй, мяч попал к новенькому. Шурка замешкался и, вопреки своему желанию, отдал его Клёпе. Не успели «румыны» оглянуться, как Клёпа прорвался к их штрафной площадке и пробил по воротам. Мяч мелькнул стремительной тенью и угодил зазевавшемуся Речке прямо в лоб. Вратарь «Румынии» клацнул зубами и упал навзничь, а мяч свечёй взмыл в вечернее небо.

– Вот это клепанул! – засмеялись все.

– Мазила! – заорал на новенького, пришедший в себя Речка. – Гляди, кому пас даёшь!

Мяч упал на «линии Мажино», но где именно, никто уже не мог разобрать. Сгустившиеся сумерки накрыли и луг, и футбольное поле, и Панский пруд, и кладбище.

– Айда по домам! – крикнул Миша.

Лера, который был ближе других, бросился первым. Между тем, единственная тропинка в город петляла среди кладбищенских крестов и обелисков. Недолго думая, он свернул с неё и пошёл напрямик сквозь высокий бурьян. Но не одолел и половины пути, как оступился и соскользнул в бетонированный стакан. На четырёхметровой глубине его поджидали битые бутылки, кирпичи, куски металла и прочий хлам. По счастливой случайности, Лера зацепился шортами за торчащий из бетона конец арматуры. Шорты с треском разорвались до самого пояса, и он повис, как Буратино на гвозде у Карабаса-Барабаса. Попытался выбраться, но пояс незамедлительно сполз сверху и превратился в настоящую удавку. Беспомощно барахтаясь, защитник «Кладочек» слышал, как обе команды, споря и переругиваясь, топтали по тропинке.

– Помогите! – крикнул он, но из сдавленной груди вырвалось лишь сипение.

Всё, понял Лера, скоро пояс съедет под самое горло и он удавится на собственных шортах. Героическая гибель, ничего не скажешь. В школе обхохочутся.

Неожиданно в наступившей тишине нарочито бодрый голосок запел песенку про храбрых зайцев, которые в страшную полночь косят волшебную трын-траву. Лера тотчас узнал нового защитника «Румынии». Он и сам, бывало, так напевал для смелости. Набрав воздуха, Лера позвал, что есть мочи:

– Шурик!

Вместо крика передавленное горло издало жалкий писк. Но новенький, удивительное дело, остановился. «Хоть бы не убежал!», – взмолился Лера, понимая, что тот может запросто принять его за какого-нибудь восставшего из гроба мертвяка. Застывший в ужасе Шурка действительно не прочь был дать дёру. Да только путь к спасению лежал через кладбище. Поэтому он и медлил в нерешительности.

– Кто здесь? – наконец, спросил он.

Лера схватился за пояс руками и немного высвободил грудь.

– Это я, Лера!

– Лера? – не поверил Шурка. – Ты же давно ушёл!

Висящий над бетонной пропастью едва не заплакал от отчаянья.

– Мазила! – пропищал он.

Услышав это, новенький смело полез в заросли лебеды.

– Осторожно! – шелестело из-под земли. – Сам не свались.

Взявшись одной рукой за Лерины шорты, а другой – за бурьян, Шурка, кряхтя от усердия, вытащил защитника «Кладочек» на край ямы. А там Лера и сам вцепился в лебеду. Отдуваясь, мальчишки отползли подальше от опасного места.

– Ты чего сюда попёрся? – спросил Шурка.

– Угол хотел срезать, – уклончиво пояснил спасённый.

Не говорить же, что кладбища испугался, как маленький. Но Шурка, похоже, и так всё понял.

– Пошли, – предложил он, – а то совсем стемнеет.

Но едва они ступили на тропинку, как услышали это зловещее «бу-бу-бу». Звуки исходили из кустов можжевельника и сирени, что темнели в глубине кладбища. Словно по команде, мальчишки упали в густую траву за первым попавшимся холмиком. Лежали, прислушивались. Тишина. Только где-то в далёкой роще за их спинами пробовал голос соловей, готовясь к ночному концерту. Может, показалось? Шурка высунулся из-за укрытия и тотчас присел.

– Чего там? – спросил Лера, придерживая рукой разорванные шорты.

– Привидение, – дрожащим голосом доложил тот.

Лера не поверил и тоже выглянул. В сгустившейся темноте ничего не было видно. Померещилось Шурке со страху. И вдруг опять: «бу-бу». Лера всмотрелся и обмер. В какой-то полусотне шагов между крестов плыло белое длинное существо.

– Это, наверное, фосфорное облако от покойника, – прижался он к товарищу по несчастью. – если накроет – нам хана. Бежать надо.

– Куда? – удивился Шурка. – Оно прямо по тропинке чешет.

– Не знаю, – признался Лера. – Может, по саду мимо пруда?

– Далеко, – не согласился тот. – Давай переждём, вдруг его ветром развеет?!

И он ещё раз высунулся для рекогносцировки. Увы, привидение было там же. Мало того, рядом Шурка различил второе, но уже чёрного цвета.

– Это не фосфорное облако, – объявил он. – Их там двое.

– Привидение с мертвяком, – мрачно пошутил Лера.

– Может, и правда. Вылезают из могил и бродят?

- Тогда надо сматываться, – заключил Лера, – мы ведь тоже на могилке сидим.
- Врешь ты всё, – отпрянул от холмика Шурка.
- Точно, – прошептал Лера. – Только она без креста, старая очень.
- А может, тут самоубийца похоронен? – не согласился Шурка. – Их ведь без крестов хоронят и отдельно.
- Тогда ещё хуже, – сообщил Лера. – Кто руки на себя наложил, тому ни на земле, ни на небе покоя нет. Душа его потом ровно тысячу лет мается и пристаёт ко всем подряд.
- А ты откуда знаешь?
- Бабка рассказывала.
- Ладно, – решил Шурка, подобрав мяч, – бежим через сад.

Вначале на четвереньках, потом на корточках, а далее во весь рост, они задали такого стрекача, что мигом пролетели футбольное поле и бежали вскоре вдоль сада по берегу Панского пруда. Осталось его обогнуть, а там снова городская окраина.

Справа чёрной стеной высились деревья. Слева, отражая яркие звёздочки, застыла водная гладь. Вдруг Лера, бежавший первым, остановился, как вкопанный.

– Смотри, – выдохнул он.

– Мама, – сказал Шурка, посмотрев.

Впереди отчётливо виднелись два привидения. Одно – чёрное, другое – белое.

– Бу-бу-бу, – ругались они и плыли навстречу.

Схватив Шурку за рукав, Лера потянул его в заросли старого сада. Под деревьями царила настоящая тьма египетская. Того и гляди, глаз выколешь. Выручили посыпанные песком белеющие под ногами дорожки.

Пробежав немного, мальчишки на первой же развилке взяли влево, к городу. Но, увы, хитрость не удалась. Привидения оказались куда проворнее и снова возникли на их пути. Но теперь привидений было в два раза больше. Два белых и два чёрных.

– Они нас домой не хотят пускать, – шмыгнул носом Шурка. – Куда мы – туда и они.

Выбиваясь из сил, мальчишки помчались по саду дальше в поисках следующего поворота к городу. Наконец, нашли.

– Стой, – сказал тут Лера и сам остановился. – Слышишь?

Мальчишки прислушались, и волосы на их головах едва не встали дыбом.

Неясные звуки доносились отовсюду.

– Да они на нас настоящую облаву устроили, – всхлипнул Шурка.

– Точно, – пал духом Лера. – Они же летучие, что им стоит нас догнать. Балуются, как кот с мышкой.

– А может, им деревья мешают? – предположил Шурка. – Сквозь них не очень-то налетаешься.

– Тогда надо драпать, куда глаза глядят! – решил Лера. – Пока они нас полностью не окружили.

И мальчишки, не сворачивая, помчались прямо. Ни Шурка, ни Лера в жизни так не бегали. Очень скоро сад закончился, и они оказались в чистом поле. Над головой висел звёздный купол вечернего неба. Слева светился огоньками город.

– А вон и моя улица, – показал на ближайший фонарь Шурка.

– Ничего себе! – присвистнул Лера, – мы до Румынии добежали.

С поля были хорошо видны освещённые окна крайних домиков. Привидений поблизости не наблюдалось. Не сговариваясь, мальчишки дружно повернули на свет. Вот и одинокий мигающий от старости фонарь, а далее и сама Румыния.

– Опять они! – внезапно простонал Шурка.

Из-за ближайшего угла выплыло всё то же: белое с чёрным.

– Бу-бу, – говорили они и понемногу приближались в тусклом свете фонаря.

– Ёлы-палы! – вырвалось у Леры.

Мальчишки вновь собрались дать дёру, но всмотрелись и... совершенно обескураженные сели на бордюр. К ним шла парочка. Он в строгом чёрном костюме, она в белом бальном платье до пят.

– Это же выпускники, – медленно сказал Лера, нечто попутно соображая и, сообразив, добавил: – Четыре класса. Человек сто, наверное, будет.

– Сегодня же прощальный бал в школе, – вспомнил и Шурка. – А мы от них по всему саду бегали, как зайцы.

Лера хихикнул. Шурка тоже. Секунду спустя они заливались тихим смехом и катались в придорожной траве. Тыкали друг в друга пальцами, припоминая свои перепуганные физиономии, и едва не рыдали от желания расхохотаться во весь голос. Момент для этого был, жаль, не подходящий. Парочка подошла совсем близко.

– Там далеко за той звездой, – декламировал чёрный кавалер, – такой далёкой и умытой, упрятаны навек тобой, ключи любви, любви забытой...

Мальчишкам пришлось ретироваться. И они направились к Шуркиному дому, до которого было рукой подать.

– Вот тебе и «бу-бу-бу», – передразнил Лера, оглядываясь.

– Слушай, – вспомнил он. – У тебя нитки с иголкой есть?

– У матери, если она спать не легла. А тебе зачем?

– Во, – показал Лера надвое порванные шорты. – Бабка меня заругает...

Едва они открыли дверь, как на пороге возникла Шуркина мать.

– Где ты шатаешься до полуночи? – в сердцах спросила она.

– Да я бы давно пришёл, – сделал честные глаза Шурка. – Так за нами привидения погнались.

– Честное слово, – подтвердил Лера, – одно чёрное, а другое белое.

И они рассказали всю историю от начала до конца.

– Ладно, беглецы, – улыбнулась Елена Михайловна. – Садитесь, поужинайте.

Пока они запивали гречневую кашу парным молоком, Шуркина мать взяла в починку Лерины шорты. Мальчишки ещё не справились с едой, а они уже были зашиты. Да так аккуратно, что и не увидишь, где порвано.

– Иди, сынок, – сказала на прощание Елена Михайловна, – проводи друга.

Влюблённый с первого взгляда в Шуркину мать, Лера с сожалением покинул гостеприимный дом.

– Давай дружить! – предложил он. – Ты к нам на район, я к тебе. Никто и не тронет.

– Давай, – с радостью согласился Шурка.

Тут же они решили, что завтра пойдут купаться на Панский пруд.

– Правда, я плавать не умею, – признался Шурка, – но зато классно ныряю с трамплина.

Лера немного помолчал.

– Покажешь, как правильно надо? – попросил он. – А то у меня каждый раз ноги за спину улетают.

– Конечно.

– А я тебя тогда плавать научу по-всякому. И на спинке, и кролем и брассом...

– Это как?

– Ну, брассом это, как жабы плавают, а кролем – в размашку, – показал Лера.

– А, – понял Шурка.

На полпути друзья остановились и, как взрослые, пожали руки.

– Пока, – сказал Шурка.

– Покедова, – ответил Лера.

Мальчишки разошлись, и каждому из них стало чуточку не по себе: вдруг на кладбище или в саду среди выпускников затесались всамделишные привидения? Но потом они вспоминали друг о друге и о том, что завтра пойдут вместе на Панский пруд, и страхи эти делались крошечными и совсем не страшными. А вечные звёзды светили и светили над их маленьким городом.

История вторая 13-й карась

В разгар лета Шурка с Лерой собрались на рыбалку. Дело это представлялось вчерашним семиклассникам непростым. Рыбачить друзья решили на Панском пруду, в тёмно-изумрудных водах которого не раз были замечены полуметровые спины гигантских рыб. Именно они клевали единожды в сутки на заре с первыми лучами солнца.

– Пацаны говорили, – сквозь зубы, которыми он держал конец лески, процедил Шурка, – теперь карп на горох хорошо берётся.

– Ерунда, – морщился Лера. – Самое проверенное дело – это тесто на яйце. Капни в него подсолнечного масла и вся рыба – твоя. А горох только на подкормку годится.

– И карась на горох берётся, – не сдавался Шурка.

– Карась – мелочь, – сплюнул презрительно Лера. – Больше ладони не бывает.

– Ну да, – подскочил Шурка, – я прошлым летом вот такого вытащил с жёлтым пузом!

– Так то декоративный, – отмахнулся Лера, – они и больше растут, но их в пруду, может, штук десять плавают.

После долгих споров, рыбаки решили ловить рыбу на тесто, а горохом подкормить заранее облюбованное ими местечко. Но так как мать Шурки и бабушка Леры наотрез отказались снабжать их этим столь необходимым провиантом, которого требовалось, по меньшей мере, пару килограмм, друзья отправились на заброшенную мельницу.

Старая мельница представляла собой полуразрушенное двухэтажное здание с обвалившимися деревянными перекрытиями. Чердак ещё держался, хотя и в нём повсюду зияли дыры.

Обследовав останки перекрытий, покоившихся на дне глубокого подвала, друзья не нашли ни единой горошины.

– Надо на чердак лезть, – задрал голову Шурка, прикидывая, как туда забраться.

Пока он изучал обстановку, Лера вскарабкался на толстенную кирпичную стену мельницы, которая тянулась косым углом до самой крыши. Словно по лестнице, он пошёл по этой выщербленной временем твердыне вверх. Но, увы, со стены можно было перебраться только на крышу, составленную из массивной глиняной черепицы.

– Стой! – закричал снизу Шурка. – А как ты на чердак перелезешь?

Но Лера остановился лишь тогда, когда упёрся в край крыши и понял: допрыгнуть до чердака тут сможет разве что белка-летяга, так велико было расстояние. Недолго думая, он полез на покатую черепицу.

– Стой! – вновь заорал Шурка. – Провалишься!

Лера его, конечно же, не послушал.

– Я сейчас чуть дальше отойду, пару черепушек сниму и на чердак спущусь, – объяснял он, осторожно ступая по крыше. – Не дрейфь...

Едва он это сказал, как под ногой у него крякнуло, хлябкая кровля разверзлась, и Лера провалился. Похолодевший от ужаса, Шурка зажмурился, а после глянул внутрь мельницы. На дне подвала Леры не было.

– Уф, – облегчённо выдохнул он и бросился по стене-лестнице наверх.

Заглянув в провал крыши, Шурка тут же обнаружил друга. Тот, покрытый с головы до ног чердачной пылью, сидел на целой россыпи ссохшегося от старости гороха.

– Мягкая посадка, – сообщил Лера, прикрывая ладонью ухо. – Прямо на горох плюхнулся.

Между его пальцами нечто алело.

– А это что?

– Черепицей бабахнуло.

Лера отнял руку, и Шурка увидел кровь. Последующие его действия по своей стремительности напоминали просмотр фильма в ускоренном режиме. Как и что он делал, Шурка потом и вспомнить не мог. В один приём он стащил друга вниз, усадил на багажник велосипеда и повёз к себе домой.

Лера ехал, держа на коленях полную сумку гороха, нарочно свесив голову долу, как в сказках о богатырях. И не без гордости наблюдал, как с его виска на асфальт одна за другой падают крупные капли крови. Он даже песенку по этому поводу стал тихонько мурлыкать.

– Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой земле, – выводил он, воображая себя былинным героем.

Дома Шурка щедро залил ему рану йодом и перевязал бинтом. На бинте тотчас проступило пятно. Придирчиво осмотрев в зеркале сочетание своей физиономии с повязкой, Лера остался доволен собственным героическим видом.

Остаток дня друзья провели на летней кухне под бормотание кипящего в ведре гороха. А в сумерках, чтобы никто не выследил, снесли полведра распаренной подкормки к Панскому пруду. Горох вывалили в воду возле огромной плоской базальтовой плиты, прозванной рыбаками Блин-камнем.

– Самое классное место, – заключил Лера.

Выход наметили на три часа утра, чтобы поспеть к пруду с первыми лучами солнца. Ночь решили провести всё на той же летней кухне. Шурка принёс большое ватное одеяло и бросил его на старую продавленную кровать.

Не раздеваясь, друзья улеглись спать и вдруг вспомнили, что разбудить их некому. Будильника нет, а Елена Михайловна давно закрылась в доме и спит.

– Сами не проснёмся, – расстроился Лера.

– Тогда лучше вообще не ложиться, – заключил Шурка.

– А что делать?

Шурка подумал малость и скрылся во второй половине кухни, где стояла газовая плита, умывальник и огромная печь.

– Вот, – сунул он Лере тонюсенькую книгу.

– Гоголь, – прочитал тот. – Вий.

– Ну и что? – не понял Лера. – Это же классика.

– Конечно, классика! – радостно подтвердил Шурка. – Но там такое страшное, ты в жизни не заснёшь.

Заинтригованный, Лера открыл первую страницу и бойким голосом побежал по строчкам, описывающим Киев далёкой старины. Не прошло и четверти часа, как он стал невольно запинаться, делать паузы и всё чаще поглядывать на открытую дверь кухни. В дверном проёме зияла непроглядная ночная тьма. В книге, между тем, такой же колдовской ночью старая карга набросилась на философа Хому и вмиг оседлав его, понеслась по полям да лугам. Когда Лера дошёл до места, где ведьма села в гроб и полетела, словно бешенная, под куполом церкви, голос у него задрожал и даже стал местами срываться на придушенный писк.

– Мама, – простонал в один из таких моментов Шурка, который к тому времени с головой забрался под одеяло, выставив в щёлку лишь ухо да один глаз.

– Ты чего? – судорожно выдохнул Лера.

– Там что-то шевелится, – доложил замогильным голосом Шурка.

Лера всмотрелся в темноту ночи.

– Да никого там нет, – сказал он, совсем пав духом.

– Нет, есть.

Шурка пулей слетел с кровати, схватил со стола огромный кухонный нож и юркнул обратно.

– Нету! – нарочито громко повторил Лера.

Повторил для Шурика, себя и на всякий случай для того, кто притаился в темноте. В ответ за дверью вздохнули и шумно почесались.

– Да это Джек! – откинул одеяло Шурка. – Собака наша. его мать, наверное, с цепи спустила на ночь погулять.

– Да, я собака, – внезапно произнёс Джек. – В хату не пускают, значит, собака.

Друзья на миг обомлели, но тотчас признали голос Евтуха Васильевича.

Снова вздохнув и почесавшись, Шуркин отец пополз в глубину двора.

– Нахрюкался у соседа нашего, – помрачнел Шурка. – Теперь к Джеку полезет спать. У него будка большая и сена я вчера натаскал.

На летней кухне зависла тишина. После встречи с Шуркиным родителем читать не хотелось. Книга отчего-то сделалась неинтересной, а ведьма ничуть не страшной.

– А давай, – предложил Лера, решив отвлечь приятеля от грустных дум, – к соседу твоему за вишнями слазим?

– Нельзя, – скучным голосом ответил Шурка. – Мать заругает.

– Откуда она узнает? – удивился Лера.

– Ну да, откуда?! – хмыкнул Шурка. – У дядьки Микиты не двор, а пограничная полоса. Он от самого нашего забора весь огород взрыхлил. Пройдёшь и всё видно, куда шли и откуда.

Лера задумался.

– А мы, – предложил он, – следы за собой замечать будем, как лиса Патрикеевна, хвостом.

Шурка тут же отбросил одеяло.

– Точно! – зашипел он восторженно. – Возьмём с собой веник и грабли.

После этого тайная экспедиция вооружилась инструментом для заметания следов и направилась к месту боевых действий.

Когда утром дядька Микита вышел во двор, его взору предстала фантастическая картина. Оберегаемое от набегов мальчишек деревце, словно обрили наполовину. Со стороны Евтуха Васильевича на нём не было ни единой вишенки. Негодующий дядька Микита бросился на поиски следов преступления и не нашёл их, сколько ни всматривался. Между тем, его двор действительно ничем не отличался от контрольно-следовой полосы.

– Что ж они по воздуху прилетели? – развёл руками садовод.

Немного поразмыслив, он, на всякий случай, направился к соседу с нотой протеста. У калитки дядьку Микиту встретил весёлый Джек. От конуры подал голос сам хозяин.

– Ты за чем, Федорович? – спросил помятый Евтух Васильевич, стряхивая с себя остатки сена.

– Шкет твой где? – поинтересовался сдержанно Федорович.

Шуркин отец оглянулся на летнюю кухню, у входа которой с вечера стояли две удочки.

– На рыбалку подался. А что случилось?

– Вишню у меня обобрали, но как-то непонятно, будто нечистая сила прошлась.

– Ладно, пойдём, проверим, – решил хозяин, и они отправились на поиски.

Искать пришлось недолго. В летней кухне Евтуху Васильевичу бросилась в глаза необычно ровная поверхность кровати. Отбросив одеяло, он тут же обнаружил пропажу. В провисшее брюхо панцирной сетки абсолютно естественно вписался эмалированный таз, наполненный до краёв спелой вишней.

– Во, – опешил дядька Микита. – Моя – унесённая ветром.

Многим ранее Шурка вместе с Лерой сидели на берегу пруда под огромным дубом и готовы были лопнуть от злости. Прикормленное ими место оказалось занято Речкой.

Долговязый вратарь «Румынии» считался большим рыбацким авторитетом и поэтому даже глазом не повёл при появлении мальчишек. Теперь он попирали босыми ногами Блин-камень и таскал плотных карасей. Рядом с ним из глинистого берега торчал металлический штырь, от которого в воду уходил тонкий нейлоновый шнур.

– Смотри, какая у него закидушка, – заметил Лера, – на карпа поставил.

Рыбалка у друзей не ладилась. Их поплавки безнадежно застыли под сенью развесистого дуба. Какой уж тут клёв. Речка, между тем, вновь вытащил карася и в который раз злорадно покосился на конкурентов.

– Чтоб ты провалился! – буркнул в сердцах Шурка, сплюнув в пруд.

Следом с долговязым авторитетом стало происходить что-то странное. Он отложил удочку, нагнулся над водой и вдруг исчез. Конкуренты, которые следили за ним во все глаза, даже вскочили от неожиданности. Речки не было, лишь круги расходились у берега.

– Его, наверное, крокодил утащил! – закричал Лера.

– Какой крокодил? – испугался Шурка. – Они у нас не водятся.

– А может, он из зоопарка сбежал? – предположил Лера. – Сейчас же тепло.

В тот же миг над поверхностью пруда показалась голова Речки.

– Ну, блин, камешек! – были его первые слова.

На самом деле ничего сверхъестественного не произошло. Широкоплечный базальт, с которого он удил карасей, наполовину лежал в воде. И вот там Речка заметил огромной величины рака. Тот притаился среди облепивших камень водорослей и нежилась в лучах восходящего солнца. Авторитет перестал бы себя уважать, если бы не попытался поймать столь великолепный экземпляр, который достоин был занять самое почётное место среди его трофеев. Усатого великана наверняка ждала печальная участь. Речка славился тем, что мог вытащить голыми руками даже линя. Но, подбираясь к раку, охотник допустил оплошность, а именно – ступил на скользкие водоросли. Из-за этого он тотчас, подобно кораблю на смазанных салом стапелях, стремительно пронёсся по всей длине плиты и ушёл в глубину. Вынырнув, Речка безо всякого успеха попытался выбраться на камень. Пока он бултыхался и проклинал скользкий базальт, очередной карась ухватил наживку и потянул её на середину пруда, а вместе с ней и брошенную без присмотра удочку. Речка в ту минуту, наконец, выбрался на берег. Но, увидев, что бамбуковая трёхлинейка стремительно от него уплывает, бросился обратно в пруд. Когда он настиг удочку, Шурка с Лерой не выдержали и хором закричали:

– Подсекай! Подсекай!

Речка потянул, что было силы, но, увы, на крючке не было ни хитрого карася, ни наживки. На этом странный ход событий не закончился. едва нечаянный купальщик двинулся обратно, нейлоновый шнур закидушки пополз в воду и натянулся, как струна.

– Смотри! Смотри! – вновь хором закричали мальчишки.

Но авторитет был само спокойствие.

– Взятся, – заявил он самоуверенно. – Теперь не сорвётся.

Словно в подтверждение его слов, шнур дёрнулся и ослаб. Но потом произошло невероятное. Нечто под водой потянуло с такой силой, что металлический прут, к которому была привязана закидушка, вырвало из земли вместе с увесистым куском глины. Просвистев в воздухе, прут булькнул точнёхонько посреди пруда и был таков. Нейлоновый шнур, разрезав тёмный изумруд воды, ещё белел несколько мгновений и тоже скрылся в пучине. Сколько Речка потом не нырял, так их и не нашёл. Мало того, в придачу оборвал леску на удочке.

– Пропала рыбалка, – объявил Шурка, наблюдая, как окончательно опозоренный конкурент собрал немногие оставшиеся снасти и отправился восвояси.

Но ошибся. едва Речка ушёл, у друзей стало раз за разом поклёвывать. Казалось, будто рыба, напуганная шумом на противоположном берегу, бросилась всем скопом под сень дуба.

– Смотри, смотри, – шептал азартно Лера, снимая со своего крючка толстого жёлтого карася. – У тебя клюёт.

Шурка подсёк, леска натянулась до предела и... из воды показалась чудовищная морда громадной рыбины.

– Мама, – сказал Шурка.

Следом хрястнуло и Шурка завалился на спину.

– Сорвался, – едва не заплакал он, осматривая удочку.

На разогнутом крючке болталась рыбья губа шириною с Шуркину ладонь.

– Вот это да! – пропел ошарашенный Лера и запнулся.

Заброшенная им снасть ушла под воду вместе с поплавком, будто тот был свинцовым, а не из лёгкого гусяного пера. Что за наваждение! Лера дёрнул, почувствовал сопротивление и потянул на себя, что было силы. В тот же миг поверхность воды забурлила, и в ней блеснул исполинский бок.

– Ослабь! Ослабь! – крикнул Шурка, но было поздно.

Со звонким звуком леска лопнула, и Лера в последний раз увидел своё крашеное гусяное перо, которое, стремительно рассекая воду, скрылось в глубине.

– А-а-а! – завыл он в отчаянии, оглядывая оставшуюся снасть.

Осталось немного – само удище да полметра лески. Лера принялся лихорадочно собирать новую удочку. В запасе у него имелось всё, кроме поплавка. Кто мог подумать, что нахальная рыбина утащит даже непотопляемое гусиное перо. Не раздумывая, Лера приспособил вместо поплавка фильтр от оброненного кем-то окурка. После этого рыба перестала клевать вовсе, словно ей там под водой приказ зачитали о ненападении. Немного погорев, мальчишки отправились домой.

На перекрёстке стали прощаться. Шурке надо было идти по прямой, Лере – направо в переулок. Сгрузив карасей в придорожную траву, друзья взялись за делёж. Рыба была одна в одну, загляденье, а не рыба. Но на беду, карасей оказалось тринадцать.

– Вообще-то, это мой, – пригляделся Шурка к оставшейся между двумя кучками последней рыбине.

– С чего это ты взял? – не поверил Лера.

– А я его за пузо поймал, помнишь?

Лера кивнул и присел над карасём – точно, на брюхе остался след от крючка. Тогда он обратил свой взор на Шуркину долю.

– А я вот этого! – вытащил он самого большого карася.

– А чем докажешь? – ухмыльнулся Шурка. – У тебя вообще не клевало.

– А я тебе сейчас по роже этим карасем заеду! – многообещающе взвешивая на руке рыбу, поднялся во весь рост Лера.

– А давай, – с лёгкостью согласился Шурка, подхватив спорного тринадцатого карася, который выглядел не менее увесисто.

Но битве рыцарей, вооружённых дарами Панского пруда, не суждено было состояться.

– Внучки, – вдруг раздался голос.

Обернувшись, мальчишки обнаружили перед собой сухонькую старушку.

– Внучки, – повторила она, – продайте карасика. Дед у меня болеет, ему карасика жареного хочется. Продайте, – и она достала из кармана халата мятую-перемятую денежку.

– Не продаётся рыба! – сердито пробурчал Шурка и стал нанизывать карасей обратно на общий кукан.

– А то б продали, – сказала старушка больше для того, чтобы закончить разговор.

Развернулась и пошла прочь, тяжело опираясь на палку.

Нанизав рыбу, Шурка в два счёта догнал старую женщину, сунул ей кукан в руки и также скоро примчался обратно.

– Пойдём вишню лопать, – миролюбиво предложил он.

– Пойдём, – кивнул Лера.

Друзья старались не смотреть в сторону старушки, которая стояла с куканом, навалившись грудью на палку, не двигалась с места и всё тянула им свою мятую денежку. Но если бы оглянулись, то увидели, что по лицу её текут слёзы.

Подхватив снасти, мальчишки направились прямо. Туда, где на летней кухне их поджидал суровый Евтух Васильевич, с самого утра заготовивший едкий вопрос на предмет богатого ночного улова.

История третья Чёртов колодец

Одним июльским утром во двор к Шурке ворвался взволнованный Лера.

– У нас клад есть! – сообщил он шёпотом.

– Какой клад? – опешил Шурка. – Где?

– Да вот тут, под нами где-то, – взялся объяснять Лера. – его пан после революции спрятал.

– Врёшь ты всё, – отмахнулся Шурка.

– Да мне моя бабка рассказывала. Знаешь глухого Алёшу?

– Ну?

– Этот дед раньше панский сад смотрел. Пойдёт с вечера сторожить, а наутро от него несёт, как из винного погреба.

– И что? – не понял Шурка.

– Как «что»? Клад же пан в своём винном погребе спрятал.

– А ты почём знаешь, что Алёша панские вина пил?

– Так бабка же рассказывала.

– А бабка твоя откуда знает?

– Не знаю, – признался Лера. – А ещё сказала, что вокруг колодцы нарыты и от них подземные ходы к винному погребу ведут.

– Ну и где они?

– Сейчас только один остался.

– Это Чёртов, что ли?

– Точно.

Шурка озадаченно почесал затылок.

– Мать говорила, – вспомнил он, – в Чёртов колодец лучше не соваться. Там разная нечисть живёт, того и гляди под землю утащит.

После долгих споров друзья всё-таки решились провести тайную археологическую экспедицию. Для этого они вооружились ножами, длиннющей бельевой верёвкой и фонариком.

Чёртов колодец располагался на окраине городка и славился тем, что в него время от времени падали коровы. На протяжении многих лет горожане безуспешно пытались укротить эту бездонную прорву. Но в отличие от остальных, Чёртов колодец не поддавался. Представлял он собой ствол шахты, в которой давным-давно добывали глину. Широкая горловина была выложена красным кирпичом. С одной её стороны шла до самого дна ржавая труба. С другой – этажами один над другим нависали металлические балкончики, соединённые лестницами. Между трубой и балконами в каких-то трёх метрах от поверхности земли застряли два бревна, щедро посыпанные глиной. Это были остатки настила, некогда закрывавшего отверстие колодца.

Первым во мрак подземелья отправился Лера. Поначалу всё шло хорошо. Но под третьим балконом лестничные перекладыны стали гнуться и даже рваться под его ногами, настолько обветшал металл. Спускаться ниже было небезопасно и Лера вернулся.

– Тут не слезть, – доложил он. – Надо по трубе.

– Я тебя не удержу, – предупредил Шурка дальнейший ход его мыслей.

В это время мимо с лопатой на плече проходил Речка.

– Что тут у вас? – подошёл он. – Небось, клад панский ищите?

– В колодец я лезу, – насупился Лера, обвязывая себя концом верёвки.

– Да разве так узлы вяжут?! – воткнул лопату в землю рыбацкий авторитет. – Задушитесь. Глянь, какой у меня ремень, офицерский. Натуральная кожа. А ну-ка.

И он отобрал верёвку и привязал её к своему ремню.

– Там лестница прогнила, – не сдавался Лера.

– Ерунда, – сплюнул Речка и взял в придачу фонарь.

– А ну страхуй, держи в натяг, – приказал он загрустившим приятелям.

Тощий вратарь «Румынии» оказался на удивление тяжёлым. Друзьям пришлось хорошенько постараться, чтобы удержать его. Верёвка упорно тащила их к краю шахты, к которому подходить нельзя было ни в коем случае. Во-первых, чтобы не упали вниз верхние расшатанные кирпичи кладки. Во-вторых, чтобы не сорваться самим.

На четвёртой лестнице Речку не спасла и страховка, которую мальчишки добросовестно держали в натяг. Ломая тяжестью своего тела истлевшие перекладыны, он устремился вниз. А ступив на пятый этаж, замер в страхе. Балкон ходил под ним ходуном, готовый в любую секунду рухнуть в пропасть. Речка посветил фонарём и не увидел дна. Тогда он задрал голову. Над ним висели брёвна, разделившие чёрной траурной полосой горловину колодца на две равные дольки. ещё выше безумно свободно сияло лазурное небо. «Не вытащат меня пацаны. Сил не хватит, – вдруг с тоской подумал Речка. – И червей я не накопал».

Положение его, действительно, было незавидным. Ни на землю подняться, ни под землю спуститься и балкон на честном слове держится. Поразмыслив, Речка решил выбраться по трубе, что шла вдоль противоположной стены. Поджав ноги, он повис на верёвке, пробуя – удержат ли. Шурка с Лерой даже покраснели от натуги.

– Что он там, гири на себя вешает?! – просипел возмущённый Лера.

– Может, клад нашёл? – предположил Шурка. – Золото тяжёлое.

С силой оттолкнувшись от балкона, Речка, словно чёртик на верёвочке, пролетел над бездной и мёртвой хваткой вцепился в трубу. Труба, как ни странно, не шелохнулась. Переведя дух, он полез по ней вверх, то и дело поглядывая на небесную синеву.

Заметив, что страховка ослабла, друзья её натянули вновь. Поддерживаемый, таким образом, Речка вскоре добрался до остатка бревенчатого настила. Тут возникла новая проблема. Спускался он по балконам, которые шли с левой стороны брёвен. Поднимался по трубе, которая выходит от них справа. Теперь же, едва он поравнялся с настилом, верёвка обогнула брёвна снизу и стала уже не помогать, а напротив, тянуть его назад. Конечно, Речка мог растянуть пояс и перебраться на помост без страховки. Но от трубы до брёвен расстояние не меньше метра. если он сорвётся, это верная смерть.

– Эгей, наверху, – закричал Речка, – стойте!

Услышав крики, друзья остановились.

– Что он сказал? – посмотрел Лера на друга.

Тот только плечами пожал.

– Чего надо?! – закричал в ответ Лера.

– Стой! – повторил Речка, который в это время одной рукой ещё держался за трубу, а второй уже дотянулся до брёвен. – Потяните, когда скажу!

Чёртов колодец искажил его слова до неузнаваемости, и друзья услышали: «Ой! Тяни! Схожу!» – Куда он сходит? – испугался Лера. – Может, с ума?

Недолго думая, друзья, что есть мочи, рванули верёвку. Речка в этот миг только-только перебрался на брёвна и стоял на четвереньках, отдуваясь. Рывок был такой силы, что его руки-ноги мгновенно разъехались в стороны, и он плюхнулся плашмя на помост.

– Не тяните! Не тяните! – заорал он благим матом, цепляясь за настил.

Увы, Чёртов колодец, словно издевался над ним. Наверх доходило отчаянное «Тяните! Тяните!» Подбадриваемые криками, мальчишки наподдали. Но верёвка больше не шла. Когда крики стали чересчур громкими, Лера почувствовал неладное. Оставив Шурку упи-

раться за двоих, он заглянул в шахту и увидел неожиданную картину. Под ним на брёвках в позе кота, которого тянут за хвост, раскорячился Речка. Всеми своими конечностями он пытался противостоять верёвке. Силы были неравными. Длинные его ноги уже болтались в воздухе и он, оставляя пальцами десять борозд на сбитой глине, упорно продолжал съезжать в колодец. Пока Лера соображал, что происходит, Речка освободил одну руку и попытался расстегнуть ремень.

– Отпусти! Отпусти! – обернулся Лера к ничего непонимающему Шурке.

Тот поспешил бросить страховку, но было поздно – Речка безудержно скользил в пропасть.

– Держи! Держи! – опять закричал совершенно напуганный Лера и сам подхватил верёвку.

Как ни тяжёл был падающий, приятели его удержали. Но всё равно Речке досталось. Будто карася на крючке, его со всего размаху шлёпнуло об одну, а потом о другую стену. Когда его снова подтянули к брёвнам, он едва на них выбрался. Лере пришлось спуститься на помост и помочь. Вылез Речка на свет Божий еле живой.

– Говорил я, что лестница сгнила, – бурчал Лера, вновь обвязываясь верёвкой, – а ты не верил.

– Ладно, – примирительно отмахнулся Речка. – По трубе спускайся. Она надёжная.

До дна Лера добрался за каких-то пять минут. Дёрнул верёвку и, увидев далеко вверху склонившиеся над шахтой головы, дал условный сигнал фонарём.

– Полный порядок, – заключил Речка, потирая ушибленный бок.

Словно надсмеаясь над его самоуверенностью, из утробы Чёртового колодца донёсся душераздирающий вопль. Эхо в панике ударило о кирпичные стены, и наступила тревожная тишина. Сколько после этого Шурка с Речкой ни кричали, Лера не отзывался. Только обронённый им фонарь светил в глубине жёлтой точкой. Шурка потянул верёвку, и она с лёгкостью поддалась. То ли Лера успел отвязаться, то ли...

– Может, его нечистая сила утянула? – прошептал Шурка.

Рыбацкий авторитет покрутил пальцем у виска и хотел было вновь привязать конец к офицерскому ремню. Но Шурка не дал.

– Я легче, – заявил он, решительно отнимая верёвку.

– Ладно, – кивнул Речка. – Только не отвязывайся. Вдруг что – вытащу.

Спустился Шурка также просто, как и Лера. Внизу его встретили скелеты падших коров. Леры в колодце не было.

– Мама, – взвыл в ужасе Шурка.

– У-ур! У-ур! – тотчас раздалось из-под земли.

До смерти напуганный Шурка посветил себе под ноги и увидел в полу под стеной щель. Из неё-то и шёл голос.

– Это ты, Лерка? – в отчаяние пискнул он.

– А! А! – донеслось в ответ.

Тогда Шурка бросился на колени и, словно мышкующий лис, принялся руками отбрасывать землю. Расширив дыру, он посветил в неё и обнаружил целого и невредимого друга.

– Давай руку, – обрадовался Шурка и протянул свою.

Лера повозился, попыхтел и, наконец, ухватился за руку. Дальше произошло непредвиденное. Грунт под Шуркой осыпался и вместе с ним поехал вниз. Через секунду друзья были в провале уже вдвоём.

Посветив фонарём во все стороны, они поняли, что находятся на дне сводчатого кирпичного коридора, в который съехали по крутой осыпи.

– Тут раньше вход был, – указал Лера на расширенную другом щель. – А потом его засыпало. Вот я и провалился.

– Слушай, – вдруг понял Шурка. – Так это же подземный ход!

– Выбираться отсюда надо, – не слушал его Лера.

– Да у меня верёвка навязана, – успокоил его Шурка. – Чуть что дёрну – Речка нас вытащит. А то позовёт кого на помощь.

Подумав, Лера согласился. Сводчатый коридор, как им показалось, под небольшим углом поднимался обратно к городу. Тянулся он не на один десяток метров, и Шурке пришлось отвязать страховку.

Вскоре друзья наткнулись на пролом в стене, в который вполне мог протиснуться человек. Над ним темнела сделанная углём надпись.

– Здесь покоится смерть большевика, – прочитал Шурка.

Посветив в пролом, он обнаружил там беспорядочно торчащие провода.

– Не трогай! – крикнул шёпотом Лера. – ещё взорвётся.

И они двинулись дальше. Но едва отошли от опасного места, как за их спинами раздался треск. Друзья обернулись и увидели, что со свода над проломом сыплются кирпичи. Вслед за этим потолок с глухим грохотом осел, завалив дорогу к Чёртовому колодцу несколькими тоннами земли. Присевших от ужаса мальчишек обдало целым облаком затхлой пыли.

– Бежим отсюда! – опомнился первым Лера, – а то и нас задавит.

– Куда бежать?! – плачущим голосом спросил Шурка. – Выход засыпало.

– Вперёд побежали!

И они ринулись по коридору. На первом же повороте Лера зацепился за неровный пол и полетел наземь, увлекая за собой бежавшего следом Шурку. Фонарь выпал из его рук. Раздалось жалкое «блямс», и их окружила крошечная тьма.

– Всё, – мрачно сказал Шурка, – мы пропали.

– Не дрейфь, – отозвался Лера, – у меня спички есть.

В их неровном свете друзья нашли фонарь и тут же убедились, что светить он больше не будет. От удара перегорела лампочка. Дальше пришлось идти на ощупь, изредка, ради экономии, зажигая спички.

– Интересно, – с дрожью проговорил Шурка, – здесь черти водятся?

– Тут только крысы, – успокоил его Лера. – Чем глубже, тем здоровее. А в подземелье они вообще ростом с телёнка должны быть.

– Крысы бы тут с голоду окочурились, – не поверил Шурка.

– А коровы падали? – парировал Лера.

В ответ Шурка испуганно вскрикнул и затих.

– Ты чего? – замер Лера и его уши, как ему почудилось, стали разрастаться, словно резиновые, пытаясь уловить малейший шорох.

– Дай коробок, – упавшим голосом попросил Шурка.

Чиркнув спичкой, он осветил перед собой стену. Это был тупик.

– Теперь нам точно отсюда не выбраться.

В отчаянье Лера ударил в стену ногой. Стена внезапно загудела, и от неё отвалился внушительный кусок штукатурки. Отбросив догоревшую спичку, Шурка старательно исследовал странную преграду.

– Доски, – заключил он радостно.

Напоминая себе графа Монте-Кристо в замке Иф, друзья ножами сняли часть штукатурки и отодрали одну из досок. Сквозь образовавшуюся щель Лера различил стеклянный блеск огромных бутылей.

– Винный погреб! – объявил он восторженно.

Мальчишки спешно сняли ещё две доски и друг за дружкой забрались в панскую сокровищницу. Она была небольшой. Лера сходу наткнулся на деревянный ящик с бутылками.

– Шампанское! – определил он, ощупав одну из них. – Давай отпразднуем наше открытие!

– Давай.

Едва Лера открутил проволоку на пробке, как шампанское вырвалась из его рук. В темноте Шурка не видел, но слышал, как друг пытался удержать бутылку, которая, будто живая, проворно ускользала из его рук. Шурка поспешил зажечь спичку и обнаружил перед собой облитого с головы до ног Леру. На нём ещё лопались пузырьки пенного напитка. Бутылку он не упустил. Правда, шампанского в ней осталось на один глоток.

– Это не шампанское, – отхлебнув из горлышка, заявил Лера.

– Ври больше, – усмехнулся Шурка и тоже взял из ящика бутылку.

– Давай посвечу, – подозрительно любезно предложил Лера.

Не заметив подвоха, Шурка с важным видом снял проволоку. Мгновение и пробка пулей ударила в потолок, а из бутылки, как из брандспойта, вылетела пенная струя.

– Вот это да! – поднёс бутылку к глазам Шурка.

Жидкости в ней было на самом донышке.

– Я же говорил, – выдохнул Лера.

Но Шурка и тут не поверил.

– Мы не так открываем, – заявил он и достал из ящика ещё одну бутылку.

Увы, не помог и другой способ.

– Надо прямо в ящике, – предложил тогда Шурка, – чтобы не трести.

Но из этого тоже ничего не вышло. В итоге друзья так увлеклись, что остановились лишь тогда, когда ящик опустел полностью. Им ничего не осталось, как слить остатки воедино. Получилась целая бутылка, которую кладоискатели и разделили честно пополам.

– Это не шампанское, – согласился, наконец, Шурка. – Это что-то непонятное.

При свете спички они рассмотрели, что на бутылках наклеены этикетки, сделанные из обычных тетрадных листов в клеточку. На одних было выведено карандашом «Берёзовый», на других – «Яблочный», на третьих – «Грушевый».

– Так это же сидр! – понял Лера и осенённый ещё одной догадкой, взялся за осмотр погреба.

Тотчас обнаружилась прочная металлическая дверь. А рядом на полке огарок свечи в склянке. Когда света стало больше, они увидели банки с компотом, вареньем и прочими домашними консервами, незамеченные ими ранее между бутылей.

– Это не панский погреб, – заключил Лера. – Что делать будем?

– Я бы сейчас пообедал, – признался Шурка.

У Леры тоже волки в животе были. В надежде на чудо, он подёргал дверь. К его разочарованию, она была не только массивна, но и надёжно заперта снаружи. Ситуация становилась безысходной. И тогда Шурка обратил внимание, что в погребе две стены кирпичные, а две – деревянные.

– А вдруг там тоже ход? – сделал он большие глаза.

Поставив свечу на полку, друзья вновь взялись за ножи. За досками, которые легко поддались, действительно, открылся сводчатый коридор. Был он намного короче первого. Через несколько шагов они попали в обширную комнату, заваленную битым стеклом, кирпичом и древесными обломками.

– Всё, – поднял над головой свечу Шурка. – Теперь нам точно конец.

– Ничего, – храбрился Лера. – Неделию-другую на вареньях с компотами продержимся, а там кто-нибудь зайдёт.

– Кому летом закатки нужны?

Лера не ответил.

– Сквозняк, – вдруг воскликнул он.

– Чего? – не понял Шурка.

– Смотри, огонь в сторону тянет.

Пока Шурка соображал, в чём дело, Лера подскочил к одной из стен.

– Видишь? – ткнул он пальцем под потолок.

Там зиял широченный оконный проём. Сужаясь кверху, он, конечно же, вёл на свободу, к горячему солнцу и свежему ветру. Туда-то и клонилось пламя свечи.

Обрадованные, они принялись укладывать под стену кирпичи. Возбравшись на них, Лера вскоре смог свободно по ставить колено на нижнюю панель окна. Тут же у приятелей разгорелся спор: кто пойдёт первым.

– Ты первым в колодец спустился, – заявил Шурка.

– А ты первым в погреб влез, – напомнил Лера.

– Колодец больше. Это как два погреба, – не сдавался Шурка. – А ещё подземный ход. Крыть Лере было нечем.

– Хорошо, – прыгнул он с возвышения, – лезь первым.

Освещая путь огарком свечи, Шурка по-пластунски пополз вверх. Пространство, окружающее его с четырёх сторон, хоть и сужалось, но было тщательно выложено кирпичами. Двигаться по ним не составляло особого труда. Больше всего Шурку пугала мысль о толстой стальной решётке, какие он видел в кино на окнах древних замков. Поэтому он вздохнул с облегчением, обнаружив, что выход заколочен досками.

– Ну, что там? – в нетерпении спросил снизу Лера.

– Доски, – отозвался Шурка, – гнилые.

– Ура! – сказал тихо Лера и поспешил вслед за другом.

«Шутки шутками, а вдруг здесь и вправду крысы водятся».

Шурка в это время с лёгкостью справился с преградой.

Но за первым рядом досок, оказался второй. Да такой прочный, что его и нож не брал. Шурка даже зарычал от бессилия.

– Ты чего там? – испугался Лера.

– Опять доски.

– А ты их ногой.

Шурка в отчаянье ударил по ним ладонью. И доски сдвинулись с места. Или показались? Да нет же, сдвинулись, образовав с одной стороны крохотную щель.

– Лерка, – зашипел тогда он вниз, – давай вместе попробуем.

Лера тотчас развернулся вверх ногами.

– Нога в двадцать раз сильнее руки, – пояснил он.

– Ты направляй, а я лупить буду.

Таким валетом друзья чрезвычайно быстро добились успеха. Дощатая стена отодвинулась настолько, что можно было просунуть руку. Мальчишки вставили в щель обломок доски и сантиметр за сантиметром расширили её до нужных размеров.

Выбравшись из подземелья, они обессиленно повалились наземь. Лежали, дышали полной грудью и не могли надышаться.

– Смотри, звёздочки, – удивился Лера, только тут заметив, что уже давно наступила ночь.

Шурка, который лежал ничком, хотел было перевернуться на спину, но на него вдруг обрушилось нечто лохматое. Оно стало прыгать, скулить и лизать его в лицо.

– Да это же Джек! – рассмеялся Шурка, который за миг до этого едва не умер от страха.

– Интересно, как он нас нашёл? – забыв про усталость, вскочил Лера.

– По запаху, как же ещё, – обнял пса за шею Шурка.

– Собака по следу тебя и под землёй найдёт.

Вокруг, между тем, стояла темнота не хуже, чем в панском подземелье. Только звёздное небо над головой напоминало о том, что они уже на воле.

– Джек, домой! – приказал Шурка, взявшись за ошейник.

Пёс послушно рванул вперёд. Друзья едва поспевали за ним. Им пришлось лезть через какие-то кусты, собачьи лазы, заборы, перепрыгивать канавы и снова продираться сквозь заросли. В общем, Джек преподавал им настоящий урок по преодолению препятствий. Совсем измотавшись, мальчишки наткнулись на стог сена.

– Да ну его, этот дом! – заявил Лера. – Давай тут останемся.

– Тебе хорошо, – не согласился Шурка. – Ты бабке сказал, что у нас заночуешь. А меня, наверное, ищут. Вот, и Джека послали.

– Ладно, пойдём, – сдался Лера. – Только отдохнём минутку.

Через минуту кладоискатели спали, словно убитые. А рядом лежал Джек, чутко охраняя их сон.

Приснилось Шурке, что стоит над ним здоровенный чертяка, помахивает хвостом и недовольно качает своей рогатой мордой. «Чудеса, – говорит он, – мы их под землёй ищем, всю ночь копаем, а они вон, где дрыхнут».

Шурка открыл глаза и увидел посреди утреннего неба своего соседа дядьку Микиту.

– Вы как тут? – спросил дядька ласково.

– Заблудились.

– В моём-то огороде? – не поверил сосед.

Вслед за Шуркой проснулся и Лера. Оглядевшись, друзья вдруг поняли, по каким таким зарослям и заборам тягал их ночью Джек. По саду и огороду дядьки Микиты, будто ураган прошёлся.

– Доброе утро, хлопчики! – приветствовал их Евтух Васильевич, который был тут же.

– Здравствуйте! – кивнул Лера.

– Здравствуй, па! – промямлил Шурка.

Над стожком сена, заготовленным соседом для ангорской козы, повисла напряжённая тишина. «Быть мне битым», – решил Шурка.

– Вы вот, что, – наконец, нарушил паузу отец, – не лазьте больше в этот колодец.

В него фашисты раненых красноармейцев сбрасывали, а партизаны фрицев и полицаев расстрелянных. Разбудите всех чертей, потом покою от них не будет.

— Да сказки это всё, Васильевич! — прервал его дядька Микита и повернулся к друзьям. — Я вас лучше вишней угощу.

Шурка с Лерой недоверчиво улыбнулись и посмотрели на давно обобранное вишнёвое деревце.

— Не верите, — хитро прищурился сосед. — А она у меня уже в компоте.

И он пошёл к погребу. Вернулся дядька Микита с бледным лицом. Отдал мальчишкам трёхлитровую банку и подсел к Евтуху Васильевичу.

– Верно, – сказал он вполголоса, – нечисть разгулялась. Ящик сидра, чертяки, выдули и свечку стянули.

– Не может быть! – подозрительно покосился на друзей Шуркин отец.

– Да они тут ни при чём, – отмахнулся сосед. – У меня дверь стоит бронированная. Батяка мой её со сталинского дзота снял. И замки на ней будь здоров. Так они не тронуты, а продукта как не бывало...

Многим позже Евтух Васильевич обнаружил, что огромная неподъёмная будка Джека отодвинута от стены сарая. За ней в старом фундаменте он нашёл крохотный оконный проём, из которого веяло могильным холодом. Поставив собачий домик на прежнее место, Шуркин отец припомнил, что некогда на этом фундаменте стоял панский флигель.

– Вот тебе и бабушкины сказки, – узнав про это, заметил Лера.

– Да, – почесал за ухом Шурка. – Какая-то у нас жизнь беспамятная, живём и ничегошеньки про свой город не знаем.

История четвёртая Под крестом

История эта началась с гербария, который Шурке поручил оформить школьный биолог Пантелеймон Юрьевич. В городке все знали, что Шуркина мама Елена Михайловна – травница, и что Шурка с малых лет помогает ей управляться с лекарственными растениями. Вот Пантелеймон Юрьевич и назначил Шурку главным по сбору местной флоры. А Лера вызвался помогать другу. Во-первых, вдвоём интересней. Во-вторых, он и сам частенько хаживал в окрестностях городка, где охотился со своей самодельной клеткой-ловушкой на певчих птиц. Только Лера, в отличие от Шурки, промышлял там больше осенью и зимой.

– Весной и летом ловить нельзя, – объяснял он. – Погибнет птица. Весной она гнездо выёт, а летом птенцов выкармливает.

– Зачем ты их вообще ловишь?

– Да ты что! – возмутился Лера. – Знаешь, как интересно. Вот я снегиря ловил. Грудка у него красная и такой он весь важный. А увидел в клетке рябиновые ягоды, сразу подлетел. Сел на куст, покачивается, смотрит сверху искоса. А я лежу за сугробом и сердце у меня, как у трактора, дрыгается. Хоть бы не спугнуть, думаю, хоть бы не улетел. Тут он – вж-жик! – и прямо в клетку за рябиной. Сторожок сбил, ему дверцей – хлоп! – под хвост. Попался, голубчик! Ты не представляешь, какой азарт.

Шурка, который высматривал в траве зубровку душистую из семейства мятликовых, только плечами пожал.

– Тут цветок найдёшь – жалко сорвать, такой красивый, – сказал он, – а то птица.

– Я же их не стреляю, – обиделся Лера. – Я их живьём ловлю, а потом кормлю, пою...

– А зачем их в клетке держать? – не унимался Шурка. – Вот тебя бы посадить в тюрьму. Лера задумался.

– Если честно, – неожиданно признался он, – я только одного снегиря и поймал. Парочку чижииков мне дядя на день рождения подарил. А щегла с канарейкой я сам купил.

– А снегиря всё-таки словил, – напомнил Шурка.

– Так я же его специально для снегиряхи.

– Какой снегиряхи? – наморщил лоб Шурка.

– Которая позапрошлой зимой к нам в подъезд залетела. Она от мороза чуть не околела. Я же тебе показывал.

– А, – вспомнил Шурка, – серенькая такая, на воробья похожа.

– Брюшко у неё тёмно-синее, – уточнил Лера, – а на голове шапочка чёрная, как у конькобежца.

– Надо было её весной на свободу отпустить.

– Так я собирался, а потом прочитал, что нельзя. После клетки птица на воле, как нечего делать, погибнет. Она же не помнит, как корм искать. И человека не боится. Любой может обидеть.

– Точно, – кивнул Шурка. – Речка бы её обязательно зажарил.

– Это почему же? – подозрительно прищурился Лера, решив, что Шурка его разыгрывает.

Но тот был абсолютно серьёзен.

– Да он рассказывал, что сом жареных цыплят обожает. Нацепят такого цыплёнка вместо червяка на крюк с тросом. Привяжут к лодке, и айда кататься по реке, – кивнул Шурка в сторону недалёкого речного изгиба.

Речушка, к которой друзья мало-помалу приближались, звалась в округе Тихоней. Она и вправду была тихой-тихой. Неслышно и неспешно шла из леса меж низких берегов, с которых в зеркальную гладь смотрелись длинные сочные травы. Делала широкий разворот вокруг луга, греясь на песчаной отмели, и вновь скрывалась среди елей да берёз. Воды Тихони, настоянные на травах и опавшей листве, были и сумрачны, и прозрачны. На фоне почерневших листьев, ковром укрывавших дно, порой мелькала стайка полосатых окуньков или проплывала серебристая плотва. В другом месте по золотистому песку незримо шествовали пузатые жемчужницы, оставляя за собой, словно бульдозеры, длинные дорожки.

Сомов в Тихоне, понятное дело, никогда не водилось. Но именно тут на её берегу началось новое приключение наших друзей. едва они вспомнили о рыбацком авторитете, как к ним, будто на заказ, он сам и явился. В руке долговязый Речка дер жал моток тонкого шнура и металлические когти, чем-то похожие на кошачью лапу.

– Привет, мужики! – крикнул он.

– А цыплёнок где? – спросил в ответ Лера.

– Какой цыплёнок? – от удивления у Речки брови полезли на лоб, а глаза стали круглыми, как у совы неясны.

– Жареный.

Ничего непонимающий авторитет озадаченно потрогал себя за нос. Лера в смятении оглянулся на Шурку.

– Да ты сам говорил, – поспешил объяснить тот, показывая на шнур с когтями, – что сом на жареного цыплёнка клюёт.

– А, – улыбнулся Речка. – Так разве его на «кошку» поймаешь? – поднял он железную лапу. – Я телевизор утопил, – показал он в сторону от мелководья, где начинался глубокий омут, – теперь искать буду.

– Телевизор? – не поверил Лера. – Портативный, что ли, на батарейках?

– Это же снасть такая! – толкнул его в бок Шурка. – Сверху палка, снизу проволока толстая вместо грузила.

А между ними сетка натянута, как экран. В нём рыба и застревает. У нас на Румынии у любого пацана таких «телевизоров» по три штуки.

– Темнота, – заключил рыбацкий авторитет.

Пристыженный Лера решил больше ни о чём не спрашивать. А Речка примерился, раскрутил «кошку» над головой, словно лассо, и забросил её на самую середину омута. «Кошка» проскребла по дну Тихони и зацепила лишь несколько веточек да обрывок водорослей. Вторая, и третья, и четвёртая попытки тоже оказались напрасными.

– Может, его течением снесло? – предположил Шурка.

– Или сом утащил, – буркнул Лера.

– Да нет здесь ничего! – отмахнулся Речка, но всё-таки забросил «кошку» ближе к отмели.

Железные когти тотчас за что-то зацепились.

– Неужели «телевизор»? – обрадовался Речка. – Рыбы, наверное, напихалось в каждую ячейку по карасю.

Но вместо рыбацкой снасти на берег вслед за верёвкой выполз какой-то ночной горшок полный донного ила, из которого торчал пучок кучерявой травы с белыми цветками.

Шурка подскочил к находке.

– Гидрилла мутовчатая! – закричал он радостно Речке.

Речка не понял и нахмурился, полагая, что тот дразнится.

– Чего-чего? – спросил он с вызовом.

– Водоросли бентосные, – пояснил Шурка, исследуя находку, – всё целое – и стебель, и листья, и корни.

- Какие водоросли? – придвинулся Лера.
- Бентосные, – повторил Шурка. – Они или на дне лежат, или укореняются в донном грунте.
- А те, которые плавают, – показал Лера на реку, – вон ряска.
- Эти планктонные.
- Зачем вам водоросли? – поинтересовался успокоенный его пояснениями Речка.

- Гербарий собираем, травы там разные.
- Понятно, – кивнул авторитет, которого Елена Михайловна тоже не раз лечила травяными отварами.

Когда гидриллу изъяли, а горшок отмыли от ила, он оказался немецкой каской. Речка взялся её осматривать.

– Гляди-ка, – показал он дырку. – От пули, наверное. За неё «кошка» и зацепила. Так бы ни за что не достали.

Пока Речка возился с каской, Шурка с его разрешения вновь забросил железные когти. Авось ещё какая-нибудь растительность попадётся. С первой же попытки он вытянул на свет божий пропавший «телевизор». Сеть была перекручена и спутана невероятным образом. В неё набилось столько всевозможного хлама, что Речка за голову схватился. В одном месте «экрана» зияла внушительная дыра. И ни одной рыбёшки.

– Это щука, – сокрушённо вздохнул он. – Наверное, карась застрял, вот она его и ухватила.

Среди речного мусора мальчишки обнаружили обугленный по краям обрывок тонкого белого пластика. Сплошь разрисованный чёрными линиями, он походил на лицо древней морщинистой старухи.

– Карта-километровка, – определил Лера, который с четвёртого класса занимался в кружке по ориентированию на местности и неплохо разбирался в топографических картах.

Покрутив обрывок так и сяк, Речка отдал его мальчишкам.

– Пользуйтесь, – махнул он ладошкой.

Надев на себя каску, рыбацкий авторитет подхватил одной рукой «телевизор», другой – «кошку» с верёвкой и направился домой.

Оставшись одни, друзья взялись за изучение военного трофея. То, что карта фашистская, они не сомневались. На ней повсюду чернели надписи на немецком языке. Готический шрифт был впаян в белый целлулоид, как и чёрные линии, обозначающие дорогу, речку

с болотом и большой кусок леса. Лес обрывался вместе с обугленным краем карты. Как раз в этом месте и стоял загадочный крест.

– Слушай! – вдруг воскликнул Лера, внимательно изучив обрывок. – Да это же наша Тихоня. Вот луг, вот лес за речкой. И дорога эта есть, только не такая длинная.

– Так эту карту ещё при Гитлере составляли, – заметил Шурка. – Тут давно всё позарастало.

– А это что? – ткнул он пальцем в крест.

– Не знаю, – признался Лера. – Вообще-то крестом обозначают могилу или кладбище, или церковь, а ещё особый искусственный объект. Но там кресты другие. Этот ни на что не похож, слишком жирный. А под ним высота. Правда, номер не разобрать.

– Что за высота такая?

– Ну, гора, холм, возвышение, в общем, высота, – пояснил Лера. – Она на карте кругами с чёрточками наружу обозначена.

– А давай сходим? – предложил Шурка. – Далеко идти?

– По прямой – километров пять, – прикинул Лера.

– А ты найдёшь эту высоту под крестом? – засомневался Шурка.

– Да ты что! – возмутился ориентировщик. – Я на первенстве района второе место по личному зачёту занял. А шёл на первое. Просто добежать не успел. Меня Вася Курила обставил. Он – здоровый, как лось, а в карте ни бум-бум. Бежал за мной до самой финишной прямой. На последних метрах обогнал.

Собрав свои нехитрые пожитки, состоявшие из двух гербарных рамок, двух полуцилиндрических лопаток, пачки старых газет да ещё пирожков с бутербродами, мальчишки двинулись на поиски загадочного креста. Вначале они перебрались на другой берег Тихони. Потом миновали просторный и солнечный сосновый бор, и, наконец, вышли на заросшую травой лесную дорогу.

– Интересно, – увидел Лера растущие на обочине лопухие с прожилками листья. – Почему подорожник к ране прикладывают?

– Он кровь останавливает, – взялся объяснять Шурка, – микробы убивает. его и к синяку прикладывают, и к фурункулу, и к ожогу, и когда пчела укусит или оса. ещё лучше его с тысячелистником смешать. А сам подорожник можно, как чай, заваривать. Тогда он кровь очищает, желудок лечит, давление сбивает и от кашля его хорошо пить. А вот, когда зуб болит, корешок от подорожника в ухо кладут, которое к этому зубу ближе. Полчаса – и боль, как рукой снимет. А молодые листья мама моя иногда в суп добавляет и в салат.

– Ничего себе, подорожник! – удивился Лера. – И швец, и жнец, и на дуде игрец.

– Так это у всех так. Вот осина, – показал Шурка на трепещущее листочками деревце. – У неё листья, почки, кора – всё целебное. Ими тоже можно раны и ожоги лечить. Отвар и от цинги помогает, когда витаминов не хватает. И боли в суставах осина снимает. Да мало чего.

– А берёза?

– В берёзе тоже витаминов полно и веществ всяких. Мои как делают: в конце июня начинают берёзовые веники сушить. Одни – на баню, другие – курам. Зимой такой веник в ведро с кипятком опустишь, он распарится и будто свежий становится. Тогда его в курятник вешаешь. Куры клюют, аж глаза от удовольствия закатывают. А потом яйца несут здоровушки и жёлтые-жёлтые. А когда веники ещё свежие, они, как кондиционер с фильтром.

– Это как? – не понял Лера.

– Воздух очищают. Развесь в доме берёзовые веники по углам. Воздух станет чистый-чистый, а запах будет, как от парижского одеколона.

– От парижских духов, – поправил его Лера.

– Не, – замотал головой Шурка. – Там аромат, ну совсем простой и тонкий-тонкий, изысканный.

– Шурка, – изумился, смотревший на него во все глаза Лера. – Да ты, наверное, профессором будешь. Откуда ты всё знаешь?

– Это не я, – признался Шурка, – это мама.

Лера, который питал к Елене Михайловне самые нежные чувства, учтиво промолчал. Некоторое время шли в полной тишине. Лишь вдалеке едва слышны были короткие сухие потрескивания: тр...тр...тр. А потом кто-то стал быстро-быстро ударять крохотными молоточками по хрустальной наковальне. Тень-тень-тень-тень-тень-тень-тень, – выводил птичий голосок. «Пеночка-теньковка», – припомнил Лера рассказ своего дяди о единственной птице в лесу, которая поёт всё лето, и которую называют ещё кузнечиком за то, что она тенькает, будто куёт. Дорога, тем временем, всё дальше и дальше уводила их в чащу. Горячее солнце нагрело лес и в нём, как в чудесной духовке, теперь стоял густой аромат разнотравья.

– А мята от чего помогает? – переложил Лера с одного плеча на другое гербарную рамку, между решёток которой вместе с газетным листом был зажат росток мяты перечной. – Моя бабка постоянно её в чай добавляет.

– Мята успокаивает и головную боль снимает, – продолжил Шурка, не отрывая взгляда от придорожной травы. – её ещё при тошноте пьют, при рвоте, когда живот болит.

– А зверобой. Он что, зверей бьёт?

– Да нет, – улыбнулся Шурка. – Зверобой против микробов хорошо принимать. А вот на Дальнем Востоке растёт китайский лимонник. Так тот точно зверей помогает бить. В нём силища, как в женьшене. Пригоршню ягод съешь – и можешь без отдыха хоть сто километров бежать, не устанешь. Охотники его едят, когда в тайге зверя по следу гонят...

– Стой, – только тут вспомнил Лера, – а куда это мы зашли? Давай с картой сверимся.

Оглядевшись по сторонам, он склонил голову над обрывком целлулоида.

– Ну что? – забеспокоился Шурка. – Правильно идём?

– Вроде бы да, – кивнул Лера. – Вот дорога, на которой мы стоим, – ткнул он пальцем в пунктирную линию.

– Мы сейчас здесь. Справа от нас – возвышение. Слева – спуск. На карте он обозначен, как продольная впадина. Значит, овраг. А крест вот где. Нам теперь надо свернуть и идти напрямик по оврагу, пока в болото не упрёмся.

Едва друзья углубились в заросли оврага, как Шурка схватил Леру за руку.

– Смотри, – шепнул он. – Кто это?

Лера глянул и тоже перешёл на шёпот. Глаза его засияли от радости. На верхушке куста сидела крупная жёлтая птица с чёрными крыльями.

– Это иволга, – сообщил он. – Гусениц, наверное, собирает для птенцов. Самое время в июле.

Почувяв человека, иволга высвистела, словно на флейте, короткую нежную мелодию и стремительно скрылась среди деревьев.

– Красивая, – сказал Шурка. – А я думал, такие только в Африке живут.

– Да ты что! – обиделся Лера. – Знаешь, какие у нас птицы есть? Ты щегла видел?

– Нет.

– А у него расцветка не хуже, чем у попугая. А зимородок! Спина и хвост синие.

Горлышко белое, брюшко оранжевое, а крылья зелёные. Но его так просто не встретишь. Зимородков у нас так мало осталось, что их даже в Красную книгу занесли.

– А соловей? – спросил Шурка.

– Что соловей? – не понял Лера.

– Соловей красивый?

У Леры от улыбки рот растянулся до ушей.

– Он серенький-серенький и малюсенький. Меньше синицы.

Шурка этому очень удивился.

– Я думал, раз он так красиво поёт, то должен быть ростом хотя бы с ворону и такой раскраски, как павлин, – признался он.

Лера рассмеялся.

– А знаешь, как павлины поют?

– Как соловьи?

– Да ну! – отмахнулся Лера. – Они орут точно кошки резанные. Мау, мау, – передразнил он.

Тут кусты окончились, и перед мальчишками открылось пространство сплошь укрытое бледно-зелёным мхом, среди которого там-сям росли чахоточные деревца.

– Болото, – определил Лера и заглянул в карту. – А за ним и наша высота под крестом. Надо в обход идти.

– Давай напрямик, – предложил Шурка и ступил на мох.

Нога его тотчас утопла в нём по щиколотку.

– Опасно, – почесал затылок Лера. – Кто его знает, что за болото?! Может, оно давно высохло, а может, и нет. Наткнёшься на яму – ойкнуть не успеешь, как утянет на глубину.

Шурка сделал ещё один шаг. Но тут из-под мягкой моховой кочки, на которой он стоял секунду назад, выползла змейка ржавого цвета.

– Мама! – испугался наш герой и одним махом вернулся на твёрдую землю.

Взяв вправо, мальчишки пошли в обход. Высота с загадочным крестом была совсем близко, да только вдоль неё нескончаемой полосой тянулись опасные мхи.

– Мох тоже лекарственный? – поинтересовался Лера.

– А как же. Только не такой. Этот сфагновый. Им хорошо избы утеплять. А лекарственный мох на камнях, которые вода омывает. его к больным местам прикладывают, когда синяк или ушиб...

В разговорах они прошли добрый километр. Высота, на которой, словно на огромном острове, рос густой лес, вроде бы стала ближе, но и только.

– Долго мы ходить будем вокруг этого болота? – наконец, не выдержал Шурка.

– Я почём знаю, – пожал плечами Лера. – Может, оно вообще не кончится.

– А ты по карте посмотри.

– Некуда смотреть, – протянул ему целлулоид Лера.

– Оборвано там.

В одном месте болото сузилось настолько, что, казалось, его можно перепрыгнуть, если хорошенько разбежаться. Друзья решили рискнуть. Увы, шест, которым они попытались нащупать дно, уже в двух шагах от берега ушёл под мох едва ли не на половину.

– Надо это болото осушить и на торфобрикеты пустить, – пробурчал сердито Лера.

– Нельзя, – отозвался Шурка. – Знаешь, сколько вокруг него растений? Самых разных.

В другом месте таких нет. Осушишь болото, и они погибнут.

Лера задумался.

– Вообще-то, верно, – согласился он. – И выпь, и поганка серощёкая, и водяные курочки, и кулики разные – тоже все на болотах живут.

– Оно на земле, как берёза в доме. Даже лучше, – заявил Шурка и принялся загибать пальцы: – Воздух очищает – раз. Кислород выделяет – два. Температуру поддерживает, чтобы не скакала вверх-вниз. И влажность – четыре.

Вдруг засуха. Из болота тогда дождевые облака поднимаются и летят поля поливать.

– Так можно этих болот наделать сколько угодно, – подал идею Лера. – Намешал грязи с водой, мха навёз...

– Быстрый какой, – осадил его Шурка. – Учёные высчитали, чтобы болото сделать, тысячу лет надо, не меньше.

– Ничего себе! – присвистнул Лера.

Давно миновал полдень. Мальчишки успели сделать привал, съесть бутерброды с пирожками и вновь тронуться в путь. Между тем, мхам конца краю не было видно. Совсем отчаявшись, следопыты хотели уж повернуть обратно. Но тут болото упёрлось в густой ельник и исчезло. Когда друзья продрались сквозь колкие заросли, перед ними открылась узкая и длинная поляна. Она тянулась несколько сот метров и терялась в подножии высоты. На краю поляны их встретил величественный дуб, который, словно радушный хозяин, вышел из леса поприветствовать нежданных гостей.

– У лукоморья дуб зелёный, – продекламировал Шурка, – золотая цепь на дубе том...

– Ты хоть знаешь, что такое лукоморье? – перебил его Лера.

– Ну, это как здесь, – развёл руками Шурка.

– Лукоморье – это бухта морская или залив. Изгиб берега, как у лука, – начертил Лера в воздухе дугу, – поэтому и луко, поэтому и морье.

– Здорово! – восхитился Шурка. – Я бы ни за что не догадался.

Трава на поляне была такой пышной и шелковистой, что, казалось, будто они ступают по пуховой перине невиданного таёжного великана. Шурка не удержался от соблазна и плюхнулся на травушку-муравушку. В тот же миг из-под его носа с шумом вырвалось и скрылось в ближайших кустах неизвестное существо.

– Кто это? – как ужаленный, подскочил Шурка.

– Дроздёнок, скорее всего, – успокоил его Лера. – Они теперь из гнёзд выпрыгивают и прячутся, где придётся. Ждут, когда родители покормят. А сами даже летать не умеют. Так порхают метров на десять.

– Что им делать нечего – из гнёзд выпрыгивать?

– Нет, они специально. Коршун на гнездо налетит – всех сожрёт. А так они по одиночке да ещё затаились – ни за что не найдёшь.

В это время в кустах раздалось «ки-ки» и спустя секунду чуть дальше в ельнике отозвалось: «ки-ки».

– Нет, это не дрозды, – улыбнулся Лера, – это птенцы иволги так кричат. Кушать просят.

Передохнув у дуба, мальчишки без труда добрались до заветной высоты. Здесь начались новые неожиданности. На полпути к вершине им попалась полузасыпанная шишками и сухой хвоей канава. Шурка легко перепрыгнул препятствие. Лера, прежде чем последовать за другом, пнул торчавшее из канавы поросшее лишайником полено. Полено тотчас завалялось набок, задрав кверху два ржавых колеса. Удивлённые друзья бросились к находке и вскоре очистили её от земли и растительности.

– Ух ты! – оторопел Лера. – Пулемёт «максим». Я такой в военном музее видел.

– Да это же окопы! – догадался Шурка, оглядывая канаву, которая то исчезая, то появляясь, тянулась влево и вправо, опоясывая высоту.

Не слушая его, Лера схватился за рукоятки «максима» и припал к прицелу.

– Та-та-та-та! – заверещал юный пулемётчик. – Ложитесь, гады!

Шурка смотрел на друга с нескрываемой завистью.

– Подожди, – сказал он, – давай ещё поищем. Вдруг, маузер найдём или наган.

Лера не заставил себя долго упрашивать. Вооружившись своими полуцилиндрическими лопатками, мальчишки принялись за раскопки. Земля в окопах оказалась мягкой, как пух.

После нескольких часов неустанных поисков, нашли они немного: десятка два стреляных гильз, изогнутое дуло винтовки да изъеденный ржавчиной немецкий штык-нож. Но и это было настоящим кладом.

– Тут, наверное, партизаны сражались, – заключил Шурка.

– Больше никому, – согласился Лера. – Пошли наверх.

Высота оказалась с плешью на макушке. На ней друзья и обнаружили останки самолёта. Из зарослей травы торчал огромный хвост с полинялыми звёздами, да ещё виднелась часть фюзеляжа.

– Вот, что за крест, – понял Лера. – Фашисты самолёт наш подбитый обозначили, а партизаны его обороняли.

– Может, это маресьевский? – предположил Шурка.

– У Маресьева истребитель был, – пояснил Лера. – А этот, смотри, какой большой. Или бомбардировщик, или штурмовик Ил-2.

– Мой прадедушка на таком летал стрелком-радистом, – вдруг тихо сказал Шурка. – его, как и меня, Александром звали. Он под Ленинградом в сорок третьем погиб.

– Под Питером, – уточнил Лера.

– Тогда Ленинград был блокадный.

Друзья подошли к останкам.

– А давай копнём, – предложил Шурка. – Может, остальное в землю зарылось.

Лера окинул взглядом потускневшее небо.

– Скоро темнеть начнёт, – объявил он. – Надо быстрее домой возвращаться.

Навьючив на себя поклажу, потяжелевшую на два десятка гильз, винтовочное дуло и штык-нож, друзья ухватили пулемёт за дугу и поспешили вниз. Вернее сказать, потащились, ибо даже с горы «максим» с его заржавевшими колёсами приходилось тянуть волоком.

– Во, дура тяжеленная! – остановился Шурка, когда от поляны их отделяли лишь пару редких кустиков.

– Хорошо ещё, что без щитка, – заметил Лера.

Неожиданно Шурка сделал стойку, словно собака перед прыжком, и бросился к кустам.

– Смотри! – изумлённо воскликнул он.

Лера посмотрел, ожидая увидеть пушку или, на худой конец, ещё один пулемёт, и ничего не увидел.

– Да вот же! – Шурка ласково погладил пышное соцветие из множества крохотных жёлтых цветков. – Это же родиола розовая.

– Ну и что? – не понял Лера.

– Как «что»? – ещё больше удивился Шурка. – Золотой корень! От всех болезней. Он у нас не растёт, а только в Сибири и на Дальнем Востоке.

– Может, его сюда птицы занесли, – высказал догадку Лера. – Вон утки на своих лапах икру рыбью из одного озера в другое переносят.

– От нас до Сибири – три тысячи километров, – не согласился Шурка, – никакая утка не донесёт.

– Тогда тут кто-то из сибиряков воевал. Взял с собой земли сибирской на память, а вместе с нею и семена попались.

– Точно, – кивнул Шурка. – А может, сам золотой корень был. Хотели из него лекарство сделать и потеряли.

Несмотря на Лерины протесты и уверения, что за одну ночь или даже за целую неделю родиола никуда не денется, Шурка достал из сумки лопатку.

– Верхняя часть в гербарий пойдёт, – рассуждал он, обкапывая со всех сторон растение. – А корень – на лекарство или на рассаду.

Копал он долго. Так долго, что Лера от нетерпения едва приплясывать не начал. Да и было отчего. Солнце давно скрылось за деревьями, а небо стало подозрительно блёклым. Того и гляди, наступят сумерки. Наконец, Шурка извлёк из земли могучее ветвящееся корневище.

– Видишь? – показал он Лере.

Тот увидел лимонно-жёлтый излом, живо напомнивший ему облупившуюся позолоту старых картинных рам, и почувствовал нежнейший аромат, словно притронулся к бабушкиным розам.

Шурка аккуратно завернул золотой корень в газету и оборотился к наземной части растения. Лера взялся помогать. Вдвоём они уложили стебель с соцветием в газетный разворот, который в свою очередь зажали с двух сторон гербарными решётками.

Спустя четверть часа друзья, кряхтя и упираясь, потянули «максим» через поляну к далёкому ельнику.

– Зачем тебе этот пулемётище? – поинтересовался, изнывая от тяжести, Шурка.

– Краеводам подарю, – признался Лера. – Чтобы у нас, как в военном музее было. А ты свой штык куда денешь?

– В хозяйстве пригодится, – уклончиво ответил Шурка и добавил: – Тем, кто в лес часто ходит, холодное оружие полагается.

Он немного подумал и добавил: – Для обороны от диких зверей.

– Я тоже в лес хожу, – насмешливо покосился на него Лера. – Что же мне с пулемётом ходить?

Добравшись до ельника, мальчишки обернулись на пройденный с такими усилиями путь и вдруг увидели, что воздух над поляной сгустился и стал стремительно темнеть.

– У тебя спички есть? – спросил Лера.

– Толку от них, – засунул в карман руку Шурка. – Всё равно ничего не увидишь.

– Да, – приуныл Лера, – мимо болота теперь и с фонарём идти опасно.

– Надо огонь раскладывать, – заключил он.

Ночевать решили по соседству с дубом. Тут и обзор хороший – никто незамеченным близко не подкрадётся, и в случае опасности можно на дерево залезть. Костёр, сложенный из нескольких веточек и старых газет, которыми они перекладывали растения в гербарных рамках, вначале едва горел. Но потом в его неровном мерцающем свете мальчишки нанесли с ближайшей опушки столько сухостоя, что возле лесного великана вскоре запылала настоящая огненная стихия.

– Летом ночь короткая, – присел у костра Шурка. – Чуть вздремнём – и утро.

– Главное, чтобы огонь был, – сонно отвечал Лера, который расположился на ночлег немногим ранее и уж успел согреться и разомлеть. – А то припрётся какой-нибудь кабан клыкастый жёлуди лопать, а мы под дубом.

– А правда, в лесу лешие водятся? – спросил Шурка.

– Может, и водятся, – протянул, завороченно глядя в огонь, Лера. – Только не у нас. Лес нужен дремучий, как в сказке. У нас не должно быть, – заключил он и оглянулся в темноту.

– А леший, он какой? – не унимался Шурка.

– Бабка рассказывала, он колченогий. Это значит, нога у него одна деревянная. Такая, как колотушка. А сам он низенький, весь мхом, вот этим, сфагновым оброс. А глаза зелёные.

Горят, будто изумруды. если человек или зверь идёт, леший корягой обернётся или пнём трухлявым.

Лера снова оглянулся. ему всё казалось, что здесь кто-то есть ещё. Сонливость его, как рукой сняло. Вслед за ним забеспокоился и Шурка.

– А кикиморы, правда, в болоте живут? – придвинулся он.

– Ну да, – кивнул Лера.

– Болото-то рядом, – напомнил Шурка.

У Леры тоскливо сжалось сердце. Не нравилась ему обстановка. Ощущение надвигающейся опасности терзало его. И вдруг...

– Ух! Ух! – крикнул кто-то басом над головой.

Мальчишки даже подумать не успели, а ноги их уж несли прочь. Шурку первого сдуло, словно ветром. Лера бросился следом. В свете костра они чеснули через всю поляну к подножию высоты. Добежав до деревьев, Шурка кошкой вскарабкался на первую попавшуюся ель. Лера хотел последовать за ним и тут только опомнился.

– Шурка! – захохотал он. – Да это же филин. Он так и кричит, будто ухает.

Шурка за мгновение до того лезший напролом и ломавший на своём пути вверх ветки, замер и оглянулся.

С высоты двух метров был хорошо виден костёр, который походил теперь на горящую спичку, так далеко они отбежали.

– Точно филин? – спросил Шурка.

– Да филин, филин, – успокоил его Лера. – Слезай.

Но едва Шурка стал спускаться вниз, как лесную тишину сотряс чудовищный силы взрыв. От неожиданности Лера упал на землю, а на него сверху свалился Шурка.

От страха у друзей руки-ноги онемели, и уши заложило, будто ватой. Вслед за грохотом, с небес на них посыпалась какая-то труха. Первым в себя пришёл Лера. Лежавший на нём Шурка оказался не таким уж и лёгким. К тому же, нижнюю губу чем-то прижало, и она ныла немилосердно. Лера нащупал это нечто и тотчас признал Шуркин кроссовок.

– Шлась, тафай, – прошепелявил он, высвободив моментально распухшую губу. Шурка отполз в сторону.

– Ты чего? – не понял он.

– Шего, шего, – передразнил Лера. – Ты мне на челюсть наступил.

Шурка не поверил. Пришлось ему дать пощупать распухшую губу.

– Я же не нарочно, – сказал он виновато. – Чего это шандархнуло?

Лера поднялся на ноги и огляделся.

– А костёр где?

Действительно, костёр исчез. В непроницаемой темноте мальчишки могли только предполагать, в какой стороне он находился. Зато справа от них обнаружилось свечение множества зелёных глаз.

– Мама, – простонал Шурка и, не помня себя, вновь взлетел на ель.

Лера с не меньшей прытью последовал за другом.

– Чего это? – спросил дрожащим голосом Шурка, которого занесло едва ли не на самую верхушку ели.

– Террористы, – прошамкал Лера, сидевший несколько ниже, – или гнилушки. Тогда там болото. Они влагу любят.

– А если взрывом фрицев померших разбудило, и они теперь из-под мхов выползают, – предположил в ужасе Шурка.

– Привидений не бывает, – уверенно заявил Лера. – Даже на кладбище.

– А кикиморы болотные, а кабаны?

Пошептавшись, друзья решили не рисковать и переждать остаток ночи на дереве. Шурка привязал себя к стволу отцовским ремнём. Лера за неимением такового, вытянул из ботинка шнурок. Связав его концы, он обхватил ель и продел кисти рук в свёрнутые петли-удавки. Таким образом, даже во сне шнурок не позволил бы ему разомкнуть объятия и сорваться вниз.

Шурке не спалось. Самые дикие мысли лезли в его посыпанную землёй и еловыми иголками голову. «Конечно, это гнилушки, – размышлял он. – Фашисты или кикиморы давно бы за нас взялись. А эти вон светятся и не шелохнутся». Внезапно внизу кто-то грозно заурчал. Шурка вздрогнул и прижался к ели ещё сильнее.

– Лерчик, – позвал он страшным шёпотом, – под нами кабан бродит.

– Спи, давай, – донёсся снизу сонный голос, – это у меня в животе бурчит с голодухи.

Припомнив о крестном знамении, которым ограждают себя бабушки от всякой нечисти, Шурка хотел было спросить, как им правильно осеняться. Но тут возле его уха кто-то тихонько пискнул. «Боже, – обмер он, – вот и кикиморы». Выждав немного, Шурка решил, что ему померещилось. Но едва шелохнулся, как опять раздался недовольный писк. «Нет, – вполне серьёзно испугался он, – это не кикиморы, это дух ели. Обиделся, наверное, что мы здесь расселись. Тяжело ему нас держать». Подумав так, Шурка, сквозь накотившую на него дрему, забормотал извинения, умолк на полуслове и уснул.

Разбудило его солнышко, которое только-только встало над землёй и брызнуло в лицо первым лучом. Осмотревшись, Шурка обнаружил в каком-то полуметре над собой стайку крохотных желтоголовых птиц. Нахохлившись, они сидели на ветке и спали, тесно прижавшись друг к другу. Невольно залюбовавшись, он неожиданно для себя протянул руку и взял крайнюю. Птичка затрепыхалась спросонья в его ладони, но Шурка держал крепко. Тогда птичка пискнула, и её товарки стремительно сорвались с ветки и исчезли в кронах соседних елей.

– Вот они, духи, – рассмеялся Шурка.

Лера с трудом открыл глаза, увидел свесившегося к нему сверху Шурку с птичкой и проснулся окончательно.

– Желтоголовый королёк, – определил он. – Шесть грамм весит. Самая маленькая птица в нашем лесу. А эта ещё меньше.

– Это почему же? – Шурка поднёс королька к лицу и поцеловал его в острый клювик. Королёк возмущённо пискнул и, изловчившись, тюкнул Шурку в губу.

– Малюсенький, а гордый, – заключил тот.

– Птенец это, – пояснил Лера. – Видишь, у него ещё пёрышки серенькие.

– Отпусти, – посоветовал он. – Корольки – насекомоядные. Их трудно в клетке содержать.

– А нам всё лявно, – выпятив губу, засюсюкал Шурка, вновь намереваясь поцеловать птенца, – я ему червей накопаю, мух наловлю.

Лера только улыбнулся такому легкомыслию.

– Ему дождевые не пойдут, – сообщил он. – Придётся мучных червей разводить по специальной технологии. А ещё муравьиные яйца запасать. И не чуть-чуть, а помногу. Не то помрёт. Он на свободе, знаешь, сколько всяких козявок из-под коры вытягивает, мошек по листьям собирает, комаров ловит. Ого-го!

Шурка задумался. По лицу его было видно, что отпускать добычу нечаянному птицелову не хочется.

– Ты же мне сам вчера говорил, – напомнил тогда Лера, – что птиц ловить нельзя. А сам чего. Он же не замерзал, как моя снегириха.

– Ладно, – вздохнул печально Шурка и нехотя разжал кулак.

Королёк тотчас выпорхнул. Отлетел на ближайшую ветку. Отряхнулся сердито, а после благодарно покосился на Леру. Пискнул и был таков.

В лесу к тому часу совершенно рассвело и солнце уже золотило траву. Друзья спустились наземь. На подгибающихся затёкших ногах они направились к дубу. Хозяин поляны оказался изрядно потрёпан. С одной стороны ветки на нём срезало, словно ножом. Другие висели перебитыми руками, будто лесного великана колесовали. А на месте костра зияла огромная воронка.

– Ничего себе! – почесал затылок Лера.

Они подошли ближе и под ногами у них захлюпало.

– Вода! – воскликнул Шурка, заглянув в воронку.

Конусообразная яма оказалась доверху заполненной кристально чистой водой. Сквозь её толщу было хорошо видно, как на самом дне бьёт, вздымая толчками песчинки, крохотный ключ.

– Слушай, – схватился за голову Лера, – мы костёр развели на бомбе или на снаряде? Вот оно и рвануло.

– А где же золотой корень? – всполошился Шурка. – Где гербарий?

– А пулемёт?

Принялись за поиски. Увы, от сумок, гербарных рамок, лопаток и военных трофеев даже следа не осталось.

– Да их на мелкие клочки порвало, – объявил Лера, найдя под дубом колесо от «максима». – Они же у самого костра лежали, когда ты от филина дёрнул.

– А ты не дёрнул? – обозлился Шурка.

– Ну, я тоже, – согласился Лера, – но ты – первый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.